ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СЕНТЯБРЬ 2017 г. ● № 9 (251) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

Борис Кустодиев. "Большевик"

Александр ТОКАРЕВ

ЭТО НАША С ТОБОЙ РЕВОЛЮЦИЯ...

К столетию Великого Октября

*Н*е каждое событие в истории человечества признаётся великим. Лишь то, что коренным образом меняет ход истории, облик мира и представления о нём человека. История – не прямая и ровная дорога, по которой неторопливо и размеренно движется общество. Время от времени в той или иной части планеты история совершает резкие скачки вперёд, безжалостно разрушает старый мир, закладывает фундамент мира нового. Эти скачки называют революциями. И лишь две из них по праву считаются великими.

Французская буржуазная революция потрясла устои консервативной Европы, изменила сознание людей, перекроила границы государств. Октябрьская революция в России изменила ход мировой истории. Рискну сказать – меняет его по сей день. Потому и стали эти революции великими. Но если Великая Французская буржуазная революция, несмотря на кровавый якобинский террор и отсечённые головы венценосных особ, считается сегодня временем рождения светлых идеалов свободы, равенства и братства, то Великой Октябрьской социалистической революции повезло меньше. Как какое-то тёмное пятно в истории человечества воспринимается она её идеологическими противниками – и за рубежом, и в самой России, нами же, русскими, которые родом всё больше из рабочих да из крестьян.

Может быть потому французы (да и европейцы в целом) не предали свою революцию, как это сделали русские, что понимают, откуда собственно идут истоки их сегодняшнего благополучия – из потрясений былых веков, разрушавших в своё время до основания старый мир феодализма и средневековья. И потоки крови, пролитой на парижских улицах, – это вполне естественная и закономерная плата за тот социально-политический и мировоззренческий перелом. Почему же столько камней брошено в Великую Октябрьскую?

Сегодняшняя российская власть, которая не смогла проигнорировать столетие Октября, вместо Великой Октябрьской социалистической революции предпочитает обобщённо говорить о Русской революции в целом. Конечно, никакого Октября без Февраля не случилось бы. Но их разделила гражданская война, в которой красные отстояли не только свою власть, но и свой проект развития. Все иные проекты, по которым могла бы развиваться Россия в XX веке, – монархический, либеральный, белогвардейский – потерпели крах. Здесь и кроется причина того, почему именно Октябрьская революция вызывала и вызывает столь резкое неприятие у наших противников – как в прошлом, так и в настоящем. Потому что она победила! И это вопреки распространённому представлению, что победителей не судят. Ещё как судят! Строже, чем проигравших, которые не реализовали на практике задуманное, а потому воспринимаются в качестве носителей лучшего (безболезненного и успешного) варианта развития. А победителям всегда можно выставить счёт. Найдётся, за что.

Ещё и потому ненавидят нашу революцию, что именно Октябрь открыл широкие ворота в историю русскому народу, до той поры находившемуся под сапогом барина. В эти, открытые революцией ворота и хлынула народная стихия. Именно её испугалась русская интеллигенция, даже та её часть, что приветствовала "вежливый" Февраль с его гражданскими правами и парламентаризмом. Эта стихия и стала главным субъектом революции. С ней приходилось считаться и бороться и белым, и красным. Но только большевикам удалось не подавить её и даже не возглавить, а слиться с ней. Недаром ведь писал Сергей Есенин в поэме "Анна Снегина":

Дрожали, качались ступени,
Но помню – под звон головы:
"Скажи, кто такое Ленин?"
Я тихо ответил: "Он – вы".

Ленин в восприятии поэта является органической частью самого народа, воспринимает интересы людей, как свои собственные, живёт одной с ними жизнью. И никаким террором не удалось бы усмирить русскую народную стихию, если бы не почувствовал народ, что за большевиками правда. Что обрёл он долгожданную землю и подлинную волю благодаря Октябрю. А что за белыми? Лишь старые порядки да новая кабала…

Стихия народной воли, разбушевавшаяся в 1917-ом, направлялась большевиками в русло созидания. Именно созидание, успешное и стремительное, осуществлённое уже Сталиным, показало жизнеспособность революции, правильность выбранного пути развития. Но вот тут-то и обострились противоречия, приведшие в итоге к внутрипартийной драме конца 30-х годов. Те, кто рассматривал Россию, уже новую, советскую, лишь в качестве материала для раздувания мирового пожара, сами сгорели в этом огне.

Революция не только одержала победу, но и утвердила её в мировом масштабе. Победа в Великой Отечественной войне над страшным врагом человечества стала окончательной победой Великого Октября. Май 1945-го примирил красных и белых. А тем из них, кто выбрал иной путь, история не оставила шансов оправдаться.

Не станем идеализировать революцию. "Прогрессивное человечество" вовсе не стремилось к ней на протяжении всей своей истории. Революция – это не яркая ослепительная молния, не свет восходящего солнца, освещающий своим лучами находившуюся до той поры во тьме землю. Это хирургическая операция, которая была необходима для удаления опухоли, развивавшейся столетиями. Отточенной секирой разрубает революция клубок противоречий, который уже невозможно распутать. А вместе с этим клубком рассекает и саму жизнь людей. И потому брат идёт на брата, а сын на отца.

Революция никогда не приводит к быстрому улучшению жизни. Напротив, жить становится тяжелей. Рушатся устоявшиеся экономические отношения, разрываются хозяйственные связи, выстраивается новая система управления, формируется новая структура общества, преодолевается сопротивление внутреннее и внешнее, долго не заживают раны, нанесённые братоубийственной гражданской войной. И необходимо время, чтобы наладить и обустроить новую жизнь. А его у России никогда нет.

Вот и приходится совершать революцию на селе (теперь уже сверху), надрываться на стройках во имя создания индустриальной мощи страны, жертвовать материальными и культурными ценностями – всё для того, чтобы революция выжила, чтобы жертвы, принесённые на её алтарь, не оказались напрасными, чтобы отстоять перед всем миром свой выбор. А потом ещё воевать со всей Европой, а после вновь восстанавливать разрушенное. А сколько всего восстановить невозможно! Человеческих жизней, например.

Так и качается маятник российский истории от триумфа к трагедии, от упадка к величию.

Революция – не только социальный переворот, это ещё и переворот духовный. Это отрицание предшествующих ей морально-нравственных норм, устоев, стереотипов, привычных представлений о добре и зле, о допустимом и запретном. Всё это и создавало у современников революции, не принявших её, впечатление какого-то дьявольского мрака, опустившегося на Россию. Например, у Ивана Бунина, описавшего свои впечатления в "Окаянных днях". И лишь немногие прозорливые, подобно Максимилиану Волошину, смогли увидеть грядущую праведную Русь "в ревущем пламени и дыме" настоящего.

Рождённые в года глухие,
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего.

Так писал горячо принявший революцию Александр Блок. И хотя строки эти датируются 1914-м годом, их по праву можно применить и собственно к революционным временам, ко всей революционной эпохе.

Действительно, страшно даже представить всё происходившее тогда на российских просторах.

С одной стороны, Триумфальное шествие советской власти, "Кто был никем, тот станет всем", свобода, равенство, братство... И в то же время – распавшаяся, раздробленная и растаскиваемая по кускам Российская империя, теперь уже бывшая; не работающая экономика; не желающая воевать армия, насквозь пропитанная анархией; наступающие немцы и наседающие со всех сторон "союзники" по Антанте; первые очаги белоказачьего сопротивления на Дону; а главное – та самая народная стихия Разиных и Кудеяров, для которой революция – это разгул народной воли, всегда желанной, но, увы, недолговечной. Потому что, каким бы злейшим врагом ни было для русского человека государство, ещё более страшный враг – безвластие, перерастающее в хаос.

Потому-то и пришлось большевикам выстраивать основы нового государства, оказавшегося ещё более сильным и централизованным, чем романовская империя. Потому-то и отстояли красные в гражданской войне ту самую единую и неделимую, за которую воевали белые.

Свой кровавый порядок большевики противопоставили стремительно разраставшемуся кровавому хаосу.

А главное – пришлось новой власти формировать и человека нового. Потому как многомиллионная неграмотная и безыдейная масса, желающая лишь грабить награбленное, анархисты и мародёры – плохой фундамент для построения светлого будущего. А значит – надо учить и просвещать тот самый народ, во имя которого и совершалась революция. И если не каждая кухарка была способна управлять государством, то дорогу к управлению революция открыла всем. Повсеместная борьба с безграмотностью, новые школы, училища, институты, академии, через которые за двадцать лет после революции прошли миллионы, сформировали человека нового типа. Человека-победителя в Великой войне, человека-созидателя, человека, покорившего космическое пространство! И в этом величайшее достижение революции!

Говорят, когда грохочут пушки, музы молчат. Ну это уж точно не про нашу революцию. Уж сколько было пролито слёз по поводу уничтоженной большевиками русской культуры, отправленных в эмиграцию писателях, философах и мыслителях. Но что, в конечном счёте, дала русской и мировой культуре эмиграция? Лишь злобой, унынием да стенаниями о России, которую они потеряли, пропитана эмигрантская литература. Лишь "Чёрная моль", которую мы знаем по фильму "Государственная граница", приходит на ум, если припомнить эмигрантские музы.

И это в то время, когда шли "державным шагом" по Петрограду во главе с Христом блоковские "Двенадцать", когда кустодиевский "Большевик" врывался с красным знаменем в руках в русло революционной стихии, и купался в солнечных лучах красный конь Петрова-Водкина, когда в рядах красноармейцев раздавалось бодрое "Смело, товарищи, в ногу!", а "Сотня юных бойцов из будёновских войск" скакала в поля на разведку.

Революция, нетерпимая ко всему старому, последовательно борясь с религией, обещавшей человеку райскую жизнь после смерти, сама символически преодолела смерть. И символом этого преодоления стал Мавзолей её вождя. У революции появились не только свои герои и великомученики, но и свои атеистические святые. Такие, как Павел Корчагин из автобиографического романа Николая Островского, ставшего настольной книгой революционеров всего мира. Само коммунистическое учение воспринималось тогда миллионами русских крестьян, никогда не читавших Маркса, как воплощение давней мечты человека о построении рая на земле. Да и не стало бы учение Маркса столь востребованным в мире, в том числе в мире сегодняшнем, если бы ни Октябрьская революция в России, реализовавшая марксистскую теорию (хоть и с крестьянским уклоном) на практике.

Революция подарила миру не только новую надежду, но и показала своим примером, что возможно жить иначе, что есть иные пути развития общества, чем ранее известные человечеству. Что тот миропорядок, при котором сын крестьянина, всю жизнь пахавшего землю, готовил своего сына к той же судьбе, потому что иной не предвиделось в принципе, – этот миропорядок может быть изменён.

На Великую Октябрьскую социалистическую революцию, на Россию, её породившую, ориентировались революционеры всего мира, ведя освободительную борьбу в разных частях планеты: в Азии и Африке, в Восточной Европе и Латинской Америке. Но уж слишком большую опасность для мира чистогана представлял советский строй и советская система ценностей, являвшаяся его духовной основой, чтобы спокойно мириться с их существованием. Именно по ценностям и был нанесён главный удар. Именно в духовной сфере корни переворота, приведшего к реставрации капитализма. Ведь "В Россию можно только верить". И как только брошенные в нашу революцию камни мы перестали швырять обратно в тех, кто их запускал, как только мы отреклись от своей правды, выстраданной в борьбе с тяжкими испытаниями, выпавшими на долю русского народа в двадцатом веке, мы и стали предавать свою революцию.

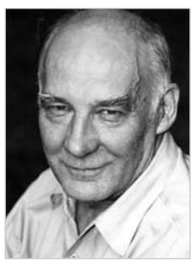
Сегодня, в канун столетия Великого Октября, Россия всё ещё является маяком, ориентиром и центром притяжения сил, противостоящих новому мировому порядку, тому порядку, что был нарушен в 1917-м, тому порядку, что пытались навязать миру чёрно-коричневые демоны во главе со своим фюрером, тому звёздно-полосатому порядку, что сегодня под благовидными предлогами свергает неугодные ему режимы и уничтожает неугодные ему государства. И объясняется это притяжение не имитационными антиглобалистскими потугами сегодняшней российской власти, а тем, что именно здесь, в России, сто лет назад произошло событие, изменившее ход мировой истории.

Великая Октябрьская социалистическая революция не нуждается в оправдании, но нуждается в защите. От наветов и лжи, от глумления и осмеяния, от предательства и забвения. И кому, как не нам, русским, вставать сегодня на её защиту? Мы – наследники нашей революции. Мы выросли на костях наших предков, сложивших свои головы за Россию советскую, социалистическую, за новый мир, за светлое будущее, за коммунизм. "Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться..." – писал Владимир Ленин в годы гражданской войны. А чего стоим мы, если не сможем защитить свою революцию даже в год её столетия?

Из цикла "Национальная идея".
Беседовал Алексей Шорохов

Леонид СЕРГЕЕВ

"Иных времён татары и монголы..."



*– **Л**еонид Анатольевич, мы с вами беседуем в год столетия революции в России (скажем так, Первой революции, начала XX века, чтобы отмежеваться от Второй, конца XX века, хотя она и стала следствием Первой). Поэтому резонно задаться вопросом, что же это всё-таки было сто лет назад – Обрушение или Обновление?*

Поясню, по мнению многих, Россия конца XIX – начала XX веков, пожалуй, впервые со времён Ярослава Мудрого шла не "догоняющим", а "опережающим" развитием, и так же как Древнерусская цивилизация XI века по всем позициям опережала Западноевропейские страны (за исключением Восточной Римской империи, сиречь Византии), так и Российская империя лидировала практически во всех областях человеческого делания, больше того – задавала тон: после Толстого и Достоевского европейская литература коренным образом вынуждена была измениться, возникает экзистенциализм; после Чехова – меняется европейский театр; в музыке новаторствуют Скрябин и Рахманинов, Прокофьев; Врубель, Бакст, Сомов – в живописи, для того же Пикассо – честь (и заработок) поучаствовать в оформлении "Дягилевских сезонов"; Станиславский и Михаил Чехов создают современную актёрскую школу; Сикорский разрабатывает самый большой в мире бомбардировщик; Циолковский – теорию ракетостроения и межпланетных полётов, таких примеров множество…

После революции – только догоняем, сначала немцев, затем американцев. Выброшенный революцией из страны тот же Сикорский создаёт первые в мире вертолёты в Америке, а мы вынуждены догонять (по сути, дублировать); Михаил Чехов – у истоков Голливуда; Александр Алексеев закладывает во Франции основы мультипликации (после будем копировать у Диснея), в ракетостроении – идём за немцами; в расщеплении атома – за американцами; даже в культуре и искусстве – все формальные и философские поиски, тот же экзистенциализм или постмодернизм, всё копируется оттуда, смешно сказать, вплоть до внешнего вида отечественных автомобилей…

Не кажется ли вам, что, как и взлёт Русской цивилизации после Ярослава прервали орды Чингисхана, так и взлёт России конца XIX – начала XX веков прервали "иных времён татары и монголы", по слову Рубцова? Или же наоборот – это тот случай, когда "косная и дремучая" Россия совершила гигантский рывок вперёд, окрылённая идеями справедливости и равенства между людьми?

– Рубцов имел в виду русских либералов (я не раз общался с ним). Собственно, он повторил Достоевского: "Все несчастья России оттого, что русские либералы – не русские". Что касается революций, то всякая революция – трагедия для страны. Первый переворот в России, по словам Черчилля, "делали подонки", и, естественно, Россия была отброшена назад. Второй переворот 90-х годов устроили предатели-русофобы. Это была величайшая катастрофа, разрушившая страну больше, чем мировая война. Подтвердилось: "Империи создают титаны, а разрушают пигмеи". Тот же Черчилль, никогда не испытывающий симпатий к России, признавал величие духа русских: "Если бы англичане пережили хотя бы часть того, что пережили русские, они исчезли бы как народ". А Россия возродилась, благодаря таланту и самоотверженности нашего народа.

*– **В**ернёмся к теме "догоняющего развития". Не следствие ли это столетней русофобии – недоверия власти русскому народу, и даже страха перед ним? Ведь чего греха таить – если в основу государственности заложена чужая модель (марксизм), собственно, с этого уже начинается "подгонка" местных реалий под чужие чертежи. Известно же недоверие Сталина отечественной инженерной школе (на предложение Туполева сделать бомбардировщик лучше американского Б-26 вождь ответил: "Не надо лучше, сделайте такой же"). Опубликована переписка Капицы со Сталиным, где в течение долгого времени учёный убеждает отца народов в самостоятельности русского научно-технического и инженерного гения.*

Ведь и сегодня – все реформы: медицины, образования; экономическая модель, всё целиком экспортируется из-за океана. И я не думаю, что это "происки врагов" – это всё то же глубинное недоверие власти русскому народу, боязнь его. Откуда эта системообразующая русофобия, чего они боятся?

– Дело не в недоверии народу, и тем более не в боязни его. Те, кто дорвались до власти, вцепились в кресла и знай себе обогащаются, – о народе и не думают. Дошло до того, что многие чиновники получают миллионы в месяц, а треть населения – меньше десяти тысяч.

Насчёт самолёта Сталин был прав (мой отец работал у Туполева и я в курсе дела). По ленд-лизу американцы нам не поставляли самолёты дальней авиации, а чтобы сделать новую машину, нужны год-два, что непозволительно во время войны. Почему-то никто не осуждает китайцев, и особенно японцев, которые ничего не изобретают, но совершенствуют то, что изобретают другие. И не осуждают амери- канцев, закупающих у нас ракетные двигатели. С подачи Хрущёва на Сталина давно сваливают все ошибки прошлого. Он это предвидел: "На мою могилу наметут много сора, но ветер истории его развеет". О деятельности вождя надо судить с колокольни того времени, времени войны и разрухи, вражды и предательств. Факт остаётся фактом: "он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой". Попытка объединить разные народы, создать Великую империю во многом удалась.

Сейчас, действительно, многое экспортируется из-за океана, но только потому, что у власти либералы. Между тем русскому народу чужды цели и ценности капитализма, а своих идей и изобретений – ему не занимать; не случайно их и сейчас используют во всём мире.

*– **С**прошу вас как писателя: какое слово, до него не сказанное никем, – русский народ сказал миру? Своей литературой, может быть даже своей судьбой?*

– Это слово "справедливость". Бесспорно, оно для русских имеет высший смысл, оно в основе традиционной русской литературы и судьбы нашего народа. Большинство западных писателей признавали воздействие на них русской литературы: Фолкнер, Хемингуэй, Бальзак, а русская революция 17-го года по словам капиталистов "заставила их повернуться лицом к рабочему классу".

*– **Л**еонид Анатольевич, вы коренной москвич, хотя и вынужденный довольно долго прожить в эвакуации в годы войны и после неё… Как менялась Первопрестольная уже на вашей памяти? Мы же знаем, что после революции на жилплощадь "буржуев Саблиных и профессоров Преображенских" вселилась одна волна, условно говоря, Швондеров; после войны на стройки разрушенного города пришла другая людская волна; в восьмидесятые и двухтысячные – новые людские потоки, новые лица… Что вы как писатель, как москвич увидели?*

– После войны многие коренные москвичи и ленинградцы не смогли вернуться на родину. Обе столицы заполняли "лимитчики", торгаши с Кавказа и Средней Азии, и, понятно, от этого народа уровень культуры не повысился. Общий вид Москвы постоянно менялся: бездарные градоначальники строили то безвкусные многоэтажки (вроде "вставной челюсти" на месте особняков Старого Арбата), то возводили гигантские, как саркофаги, торговые центры, ставили уродливые скульптуры Церетели и Шемякина. После 90-х годов, когда власть захватили либералы, в театрах и на телевидении началось сплошное огрубление и опошление искусства – попросту издевательство над русской культурой. Собянин приукрасил Москву: появились новые эстакады, мосты, парки, станции метро, но культурная жизнь столицы по-прежнему в руках представителей пятой колонны: по телевидению продолжают обливать грязью прошлое нашей страны, в театрах кромсают классику.

В последнее время в Москве резко увеличилось число приезжих из Средней Азии, и можно предположить, что в будущем город ждут погромы, как в Европе, но чиновники бездействуют, вроде и не слышали о таком понятии, как несовместимость культур.

*– **В**ам посчастливилось быть знакомым, а то и дружить со многими русскими писателями, которых уже сегодня называют великими… Но дело не в наименованиях и прозвищах. Чьи мысли, может быть, высказывания о русском народе, о его пути и предназначении вам наиболее запомнились?*

– Запомнились мерзкие слова Ахматовой о Толстом и Есенине, "наслаждение" Окуджавы в момент расстрела парламента, слова Евтушенко, что именно "он разрушил Советский Союз" и гадкое интервью о русском народе Астафьева незадолго до смерти. О нелюбви к детям говорили Чуковский и Михалков. С любовью к своему народу говорили Ошанин и Вас. Фёдоров, Передреев и Рубцов, и многие другие. А Юрий Казаков возвещал: "У каждого писателя должен быть нравственный долг перед своим народом". Не хочу повторяться – всё это я написал в очерках-воспоминаниях "До встречи на небесах!" и "Небожители подвала".

*– **Л**еонид Анатольевич, последний вопрос: "камо грядеши", русский народ? Почему Бог даёт русским такую судьбу, такие испытания? В чём наша надежда и упование?*

– Андерсен называл Россию "жемчужиной Европы". Он имел в виду не только наше богатство (недрами) и красоту нашей природы, но и русский народ, добросердечный, бесхитростный, незлопамятный, для которого главное не "золотой телец", а духовные ценности и ценность человеческого общения. Естественно, у такой страны много завистников и врагов, и не Бог натравливал их на Россию, а осатаневшие от своего величия западные правители. В чём наша надежда? Она прежняя – мужество и стойкость русских людей.

Сжечь "Белый тигр"!

Открытое письмо Карену Шахназарову, кинорежиссёру, генеральному директору киноконцерна "Мосфильм"

Уважаемый Карен Георгиевич!

Как всякий большой художник, Вы работаете со смыслами, в которых уже гнездится наше будущее. В миру это называют пророчеством.

Но мы воздержимся от громких слов. Просто скажем, так иногда бывает…

Так было с Вашим "Городом Зеро" в 1988-м, так – только более трагично и абсурдно – со "Снами" в 1993-м.

И вот – в 2012-м вышел Ваш "Белый тигр". О фашизме, казалось бы, раз и навсегда задавленном нашими с Вами отцами в самом его логове…

Недавно мы с группой писателей вернулись из очередной поездки на Донбасс. Свидетельствуем: "Белый тигр" объявился снова. Теперь на Украине. И не из угрюмых расщелин Шварцвальда.

Есть все основания думать, что он прошёл по дну океана от самого Лима штат Огайо (место производства американских танков). Для танка с мёртвым экипажем это так же просто, как пройти по дну Припятских болот. Да, пока он прикрывается ржавыми доспехами украинского танкопрома. Но пророчество танкиста Найдёнова из Вашего фильма сбылось: он затаился и ждал! Ждал двадцать лет, пятьдесят, семьдесят…

Чтобы в июне 2014-го объявиться на нашей земле, после того, как исчез с неё в июне 1944-го…

Значит – не сжёг его Найдёнов! Не сжёг.

Мёртвый экипаж "Белого тигра" за эти годы понял главное: бессмысленно жечь русские танки! Даже Геббельс перед гибелью написал: "словно какой-то могущественный великан лепит из уральской глины военную технику русских в неограниченном количестве". И имя этому великану – русский народ. А значит – и народ Донбасса тоже.

Поэтому для "Белого тигра" очевидно: жечь нужно жилища, шахты, заводы… детей и женщин этого народа! Школу за школой, дом за домом, парк за парком…

И мы это видели: в самом Донецке, в осаждённой Горловке, в прифронтовом Зайцево… Только за те несколько дней, что мы вернулись оттуда, – "Белый тигр" расстрелял в Зайцево четыре мирных дома! Накануне "школьного перемирия", под занавес "перемирия хлебного".

Именно поэтому нам и необходимо сжечь его! У ворот Донбасса. Пусть это будет сын или внук Найдёнова, на Т-72 или даже на "Армате", сюжет придумать не так трудно, со сценарием и подробностями помогут писатели Донбасса, ополченцы, просто – свидетели новых преступлений "Белого тигра"…

Но сжечь его надо! Ритуально, на экране!

Не мне объяснять Вам, впервые сказавшему о ритуальном характере цареубийства в Екатеринбурге средствами кино, – как важно уничтожить врага именно ритуально!

(окончание на стр.3)